

УДК 811.161.1'373 + 811.581'373

ЧАСТОТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕТАЯЗЫКОВЫХ СЛОВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ (ПО ДАННЫМ ЧАСТОТНЫХ СЛОВАРЕЙ)

ГАО ВАНЬЖОУ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проанализированы частотные характеристики метаязыковых лексем, отобранных методом сплошной выборки из первой тысячи слов частотных словарей русского и китайского языков. Сопоставлена актуальность языковых и коммуникативных явлений в ситуациях метаязыковой рефлексии на русском и китайском языках. Определены обыденные представления о важности коммуникативных действий, устных или письменных текстов и единиц языка, зафиксированные в частотных характеристиках метаязыковых лексем. Установлены сходства и различия в семантических и количественных закономерностях метаязыковых лексем. Показано, что частотность метаязыковой лексемы отражает активность ее использования в коммуникации и может передавать наивнолингвистические знания о русской и китайской лингвокультурах.

Ключевые слова: метаязык; метаязыковая лексема; метаязыковая функция языка; лингвокультура; наивная лингвистика; частотный словарь.

ЧАСТОТНЫЯ ХАРАКТАРЫСТЫКІ МЕТАМОЎНЫХ СЛОЎ У РУСКАЙ І КІТАЙСКОЙ МОВАХ (ПА ДАДЗЕННЫХ ЧАСТОТНЫХ СЛОЎНІКАЎ)

ГАО ВАНЬЖОЎ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Прааналізаваны частотныя характарыстыкі метамоўных лексем, адабраных метадам суцэльнай выбаркі з першай тысячы слоў частотных слоўнікаў рускай і кітайскай моў. Супастаўлена актуальнасць моўных і камунікатыўных з'яў у сітуацыях метамоўнай рэфлексіі на рускай і кітайскай мовах. Вызначаны звычайныя ўяўленні аб важнасці камунікатыўных дзеянняў, вусных або пісьмовых тэкстаў і адзінак мовы, зафіксаваныя ў частотных характарыстыках метамоўных лексем. Устаноўлены падабенства і адрозненні ў семантычных і колькасных заканамернасцях метамоўных лексем. Паказана, што частотнасць метамоўнай лексемы адлюстроўвае актыўнасць яе выкарыстання ў камунікацыі і можа перадаваць наіўналінгвістычныя веды аб рускай і кітайскай лінгвакультурах.

Ключавыя словы: метамова; метамоўная лексема; метамоўная функцыя мовы; лінгвакультура; наіўная лінгвістыка; частотны слоўнік.

Образец цитирования:

Гао Ваньжоу. Частотные характеристики метаязыковых слов в русском и китайском языках (по данным частотных словарей). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2024;2:51–59.
EDN: EDMOND

For citation:

Gao Wanrou. Frequency characteristics of meta-language words in Russian and Chinese languages (according to frequency dictionaries data). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2024;2:51–59. Russian.
EDN: EDMOND

Автор:

Гао Ваньжоу – аспирантка кафедры прикладной лингвистики филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Т. В. Бобко.

Author:

Gao Wanrou, postgraduate student at the department of applied linguistics, faculty of philology.
gagagladyssss@gmail.com

FREQUENCY CHARACTERISTICS OF META-LANGUAGE WORDS IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES (ACCORDING TO FREQUENCY DICTIONARIES DATA)

GAO WANROU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article analyses the frequency characteristics of meta-language lexemes selected by the method of continuous sampling from the first thousand words in Russian and Chinese frequency dictionaries. The aim of the study is to compare the relevance of linguistic and communicative phenomena in situations of meta-language reflection in Russian and Chinese languages. Common perceptions regarding the importance of communicative actions, oral or written texts, and language units were identified, as recorded in the frequency characteristics of meta-language lexemes. Similarities and differences in the semantic and quantitative patterns of the meta-language lexemes were established. It has been shown that the frequency of meta-language lexeme reflects its active use in communication and can convey naive linguistic knowledge in Russian and Chinese linguocultures.

Keywords: meta-language; meta-language lexeme; meta-language function of language; linguoculture; naive linguistics; frequency dictionary.

Введение

Термин «метаязык», появившийся, как известно, в рамках математической логики в 1930-х гг., активно использовался в философских, семиотических и лингвистических исследованиях. В лингвистике под метаязыком понимают два различных феномена. Во-первых, метаязык – это инструмент научного описания естественного языка: он рассматривается как язык второго порядка по отношению к языку-объекту¹. Во-вторых, метаязык трактуется как система средств естественного языка, позволяющая его носителям говорить о языке в ситуациях метаязыковой рефлексии. Впервые на способность языка создавать язык о языке обратил внимание Р. О. Якобсон, предложивший термин «метаязыковая функция языка». Он указывал, что метаязыковая функция выступает в качестве одной из шести функций языка и проявляется в ситуациях, когда внимание коммуникантов направлено на код сообщения [1]. Таким образом, язык располагает как системой терминов, необходимых для научного описания самого себя, так и системой обыденных лексических и грамматических средств, предназначенных для создания метаязыкового комментария речи. В повседневном общении метаязыковые средства используются, когда говорящий сталкивается с трудностями языковой коммуникации (например, при разговоре с ребенком, иностранцем или любым другим человеком, не вполне владеющим данным языком, стилем, профессиональной разновидностью языка или арго) либо оценивает слово или его уместность в речи, мотивирует свой выбор, подчеркивает индивидуальные оттенки смысла².

Н. Д. Арутюнова рассматривает метаязыковую функцию языка как нерефлектирующую рефлексии говорящих, «спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека и зафиксированные в значении металингвистических терминов, таких как *язык, речь, слово, смысл, значение, говорить, молчать* и др.» [2, с. 7]. В данном определении подчеркивается важный аспект метаязыковой рефлексии: она может иметь спонтанный, неосознанный характер и демонстрировать повседневное знание о языке и коммуникации – представления, взгляды и мнения обычных носителей языка, которые складываются по мере развития этноса и аккумулируются в системе метаязыковых средств языка. По словам И. Б. Шатуновского, «человек уже произвел первичный философский, психологический, логический, а также лингвистический анализ, и результаты его отражены и закреплены в языке» [3, с. 21]. Этот лингвистический анализ выступает ядром наивной лингвистики, базой для дальнейшей эксплицитной метаязыковой рефлексии, которая осуществляется в целенаправленных развернутых комментариях по поводу языка или его единиц.

Метаязыковая система языка в последние годы постоянно привлекает внимание лингвистов, поскольку позволяет установить, как осуществляется мониторинг речевой деятельности, в частности как говорящий относится к языковым единицам. Можно отметить следующие направления изучения метаязыковых единиц. В монографии М. Р. Шумариной на материале художественной речи метаязыковая лексика интерпретируется как показатель деятельности обыденного метаязыкового сознания (индивидуального

¹Гвишиани Н. Б. Метаязык // Лингвист. энциклопед. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 297.

²Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика : пособие. М. : Аспект-пресс, 2000. С. 20.

и коллективного), выделяются его уровни и конструируются обыденные метаязыковые представления [4]. И. Т. Вепрева на примере публицистических текстов анализирует оценочные функции метаязыковых единиц, которые передают изменения ценностей и мировоззрения говорящих [5]. В работе В. Б. Кашкина метаязыковые единицы толкуются как отражение восприятия языка с точки зрения наивной лингвистики: каждый пользователь языка имеет своеобразную личную теорию, в которой описывает собственный взгляд на язык, его единицы, особенности их применения в речи [6, с. 4]. Кроме того, автор рассматривает отношение наивной лингвистики к процессам обучения иностранному языку и перевода (ситуации языковых контрастов). М. С. Гутовская уделяет внимание отражению в лексико-фразеологической системе языка народного и научного знания о языке и речи и выявляет этнокультурную специфику русских и английских метаязыковых обозначений [7]. Таким образом, исследование метаязыковых единиц позволяет зафиксировать наивные знания о языке и коммуникации, эксплицировать механизмы работы метаязыкового сознания и определить этнокультурные особенности метаязыковой системы языка.

Материалы и методы исследования

Метаязыковые лексемы – это слова, «с помощью которых говорящий может говорить о самом языке и его элементах» [8, с. 49]. В статье рассматриваются частотные характеристики русских и китайских метаязыковых лексем по данным частотных словарей. Место лексемы в таком словаре отражает степень ее употребительности в коммуникации. Следовательно, частотная характеристика может использоваться как показатель значимости соответствующих наивнолингвистических знаний в процессе общения: чем чаще встречается та или иная метаязыковая лексема, тем чаще в фокусе внимания говорящих оказывается определенная единица языка или коммуникативное явление. Цель статьи – сопоставление зафиксированных в частотных характеристиках метаязыковых слов обыденных представлений о важности языковых и коммуникативных феноменов в русской и китайской лингвокультурах.

Объектом исследования выступили метаязыковые лексемы, отобранные методом сплошной выборки из первой тысячи слов частотных словарей современного русского и китайского языков, предметом – закономерности в их частотном распределении. Сопоставительный аспект работы позволил выявить лингвокультурные факторы сходств и отличий частотных свойств метаязыковых лексем и тем самым определить существенные характеристики русских и китайских наивнолингвистических знаний. Материал взят из изданий «Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)»³ и «Сяньдай ханьюй пиньлюй цидянь» («Частотный словарь современного китайского языка»)». Для перевода китайских метаязыковых лексем на русский язык использован сайт «Большой китайско-русский словарь»⁵.

При отборе материала необходимо было решить ряд задач, связанных как со специфической организацией частотных словарей, так и со структурными особенностями китайского языка. Трудности заключались в следующем.

1. Поскольку частотный словарь приводит только леммы, слова, первое значение которых в толковом словаре не является метаязыковым, не анализировались (метаязыковые значения рус. *ходить* и кит. 声 ‘звук’, 声音 ‘звук’ переносные).

2. Метаязыковые лексемы русского и китайского языков не всегда эквивалентны. Кроме того, они могут иметь несколько значений, у которых нет прямого аналога в другом языке, что затрудняет сопоставление семантики слов и их перевод (значения кит. 叫 ‘кричать (о человеке); называться»⁶ в русском языке несут две лексемы).

3. Различие частеречных характеристик метаязыковых слов обусловлено разными типологическими чертами русского и китайского языков: если для русского языкознания выделение метаязыковых имен и глаголов речи не представляет сложности, то в китайской лингвистике фиксируются слова с несколькими грамматическими категориями (兼类词 «цзяньлэйцзы»). Например, кит. 要求 может употребляться и как глагол ‘требовать’, и как отглагольное существительное ‘требование’. Этот факт усложняет задачу по классификации и сопоставлению отобранных метаязыковых лексем: количество лексем частотного словаря русского языка превышает число лексем частотного словаря китайского языка.

Сегодня проблема выделения частей речи в китайском языке продолжает считаться достаточно сложной [9]. Первый грамматический труд «Ма ши вэнь тун» («Грамматика письменного языка»), опубликованный в 1898 г., соответствовал индоевропейским грамматическим стандартам. В 1940-х гг.

³Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник, 2009. 1087 [2] с.

⁴Частотный словарь современного китайского языка / Ин-т лингвист. исслед. Пекин : Пекин. ун-т яз. и культуры, 1986. 1491 с. (на кит.).

⁵Большой китайско-русский словарь : сайт. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 30.12.2023).

⁶Там же.

лингвисты, в том числе Люй Шусян и Ван Ли, стремились отойти от индоевропейских моделей и изучить уникальные особенности китайского языка. Поскольку он является изолирующим, при выделении грамматических категорий слов учитываются их семантика и синтаксическая функция. В книге «Сянь дай хань юй» («Современный китайский язык»), одной из ведущих работ в области китаеведения, 14 частей речи делятся на знаменательные и служебные слова [10, с. 8]. Глаголы обозначают действие, поведение, психическую активность или существование [10, с. 10], существительные – лицо, предмет, время и место [10, с. 9]. Частеречная принадлежность лексем указывается в частотном словаре китайского языка. Таким образом, следуя традиции китайской лексикографии, при анализе отобранного материала мы ориентировались на данные словаря.

4. Частотный словарь русского языка включает лексемы, составляющие видовые пары (*говорить* – *сказать*, *отвечать* – *ответить*, *называть* – *назвать*, *рассказывать* – *рассказать*, *просить* – *попросить*, *спросить* – *спрашивать*). В китайском языке такое грамматическое различие отсутствует: соответствующие значения могут принадлежать разным лексемам (кит. 说 ‘говорить’, 告诉 ‘сказать’) или одной лексеме, не дифференцируясь в толковом словаре, причем разница видовых форм видна лишь при переводе (у кит. 请 ‘просить’ значение ‘попросить’ указано только в примере *попросите его сюда, пусть войдет!*⁷).

5. Так как количество значений метаязыковых лексем и их дефиниции не совпадают полностью, сопоставлялись первые указанные в толковом словаре значения. В противном случае анализ нужно производить не по лексемам, а по их значениям, однако частотный словарь не дает такой возможности. Поскольку в работе рассматриваются только лексемы, зафиксированные в обоих словарях, подобное решение представляется вполне оправданным. При этом первые значения лексем могут не быть тождественными (рус. *говорить*, *объяснить* – кит. 讲 ‘говорить, объяснять’; рус. *говорить* – 说 ‘говорить’, 讲 ‘говорить, объяснять’).

Отбор и систематизация материала выполнялись следующим образом. В первой тысяче слов частотных словарей обоих языков выделялись десять частотных групп (рангов) по 100 ед. Из этих групп методом сплошной выборки извлекались метаязыковые лексемы – 50 русских слов и 32 китайских слова. Установлена любопытная закономерность: доля метаязыковых лексем среди первой тысячи слов в обоих частотных словарях сходна (5,0 % для русского языка и 3,2 % для китайского языка), что свидетельствует о примерно одинаковой их активности. Иначе говоря, ситуации метаязыковой рефлексии и в русской, и в китайской речи являются достаточно редкими. Количественная диспропорция объясняется разными типологическими характеристиками русского и китайского языков и их семантической спецификой. Возможно, различия в толковании вызваны лексикографическими традициями. Затем в соответствии с классификацией метаязыковых средств языка, приведенной в статье Н. Б. Мечковской и Н. М. Гуриной [11, с. 61], отобранные лексемы были классифицированы по четырем семантическим группам: 1) названия актов и процессов коммуникации; 2) названия видов сообщений и их элементов; 3) названия кода, его элементов и характеристик; 4) названия адресанта и адресата.

Результаты и их обсуждение

Сравнивая семантические характеристики метаязыковых лексем русского и китайского языков (см. таблицу), обнаруживаем, что самую многочисленную группу (50,0 % русских слов и 62,5 % китайских слов) составляют глаголы речи – названия актов и процессов коммуникации. Существительные – названия видов сообщений и их элементов (результатов коммуникации в виде письменного или устного текста) представлены в меньшей степени (34 % русских слов и 25 % китайских слов). Имена – названия кода, его элементов и характеристик (языка и его единиц) формируют только небольшую часть метаязыковых лексем (14,0 % русских слов и 12,5 % китайских слов). Самую малочисленную группу (2 % русских слов) образуют названия адресанта и адресата.

Таким образом, доля метаязыковых лексем каждой семантической группы одинакова в частотных словарях русского и китайского языков, что свидетельствует о сходной активности употребления наименований как коммуникативных действий и процессов, так и результатов коммуникации и единиц языка в процессе общения. Другими словами, говорящие в ситуациях метаязыковой рефлексии чаще всего обозначают речевые действия (вероятно, из-за того, что они маркируют коммуникативные интенции), реже фокусируют внимание на названиях сообщений и лишь иногда – на названиях языка и его единиц. Любопытно, что для них наименования самих участников коммуникативного акта (адресанта и адресата) не являются важными: в частотном словаре русского языка зафиксировано только обозначение слушающего, а в частотном словаре китайского языка не отмечено ни одного подобного обозначения. Появление в первой тысяче слов частотного словаря русского языка лексемы *слушатель*, отсутствие лексемы *читатель* и названий говорящего или пишущего дают возможность для интерпретации степени их важности в обыденной метаязыковой рефлексии.

⁷Большой китайско-русский словарь : сайт. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 30.12.2023).

Семантические и частотные группы метаязыковых лексем русского и китайского языков

Semantic and frequency groups of meta-linguistic lexemes of Russian and Chinese languages

Семантическая группа	Частотная группа	Русский язык	Китайский язык
Названия актов и процессов коммуникации	1–100	<i>сказать, говорить</i>	说 ‘говорить’, 叫 ‘кричать, вскрикивать, восклицать (о человеке)’
	101–200	<i>спросить</i>	问 ‘спрашивать, расспрашивать’
	201–300	<i>ответить</i>	讲 ‘говорить, объяснять’
	301–400	<i>читать, называть</i>	告诉 ‘сказать (кому-л. что-л.), сообщить, информировать, уведомить, оповестить’, 请 ‘просить’, 要求 ‘требовать, требование’, 反对 ‘противостоять’, 谈 ‘беседовать, разговаривать’
	401–500	<i>отвечать, рассказывать, рассказать</i>	喊 ‘громко кричать, выкрикивать’
	501–600	<i>просить, спрашивать, называть, требовать</i>	唱 ‘петь, вести мелодию (голос)’, 批评 ‘критиковать, давать отзыв’, 论 ‘обсуждать; рассматривать; судить (о чем-л.)’
	601–700	—	回答 ‘отвечать, ответ’
	701–800	<i>объяснить, заявить, кричать</i>	—
	801–900	<i>предлагать, молчать, согласиться, сообщить, петь, попросить, выступить, называться</i>	读 ‘читать’, 表示 ‘предлагать’
	901–1000	<i>звать</i>	叫做 ‘называться, именоваться, носить имя’, 说明 ‘объяснить, охарактеризовать, пояснить; комментировать; пояснение’, 答应 ‘отзываться, откликаться’, 指出 ‘отметить, указать, обозначить’
Названия видов сообщений и их элементов	1–100	—	问题 ‘вопрос’
	101–200	<i>вопрос</i>	—
	201–300	<i>книга, статья</i>	—
	301–400	<i>письмо, разговор, ответ, информация, совет</i>	书 ‘книга’
	401–500	<i>газета</i>	—
	501–600	—	信 ‘письмо’
	601–700	<i>договор</i>	文章 ‘статья’
	701–800	<i>песня, требование, роман, стихи, литература</i>	文学 ‘литература’, 歌 ‘песня’
	801–900	<i>текст</i>	—
	901–1000	<i>рассказ</i>	消息 ‘новость, известие, сообщение, информация, весть’, 报 ‘газета’
Названия кода, его элементов и характеристик	1–100	<i>слово</i>	话 ‘слова, выражения, высказывание, фраза’
	201–300	<i>голос</i>	—
	301–400	<i>язык, смысл</i>	句 ‘предложение’, 字 ‘цзы’ ‘элементарная односложная единица китайского письменного и устного языка, иероглиф’
	401–500	<i>речь</i>	—
	501–600	<i>значение</i>	—
	701–800	<i>название</i>	意思 ‘значение, смысл’
Названия адресанта и адресата	601–700	<i>слушатель</i>	—

Семантические характеристики метаязыковых лексем, вошедших в первую тысячу слов частотных словарей обоих языков, обсуждались нами ранее в работе [12]. В настоящей статье сопоставляются их частотные характеристики, чтобы определить, насколько активны в русской и китайской речи метаязыковые обозначения разных аспектов коммуникативного процесса, а именно процессов коммуникации, ее результатов (текстов) и единиц языка.

Метаязыковые лексемы разделены на высокочастотные (ранг 1–300), среднечастотные (ранг 301–700) и низкочастотные (ранг 701–1000). Для сопоставительного анализа сформированы следующие три группы лексем: 1) русские и китайские слова, имеющие одинаковую частотность (высокую, среднюю или низкую); 2) русские и китайские слова, имеющие различную частотность; 3) русские и китайские слова, которые присутствуют в первой тысяче слов одного словаря, но отсутствуют в первой тысяче слов другого словаря.

Русские и китайские слова, имеющие одинаковую частотность. К одинаково высокочастотным русским и китайским словам относятся названия актов и процессов коммуникации (рус. *говорить* – кит. 说 ‘говорить’, 讲 ‘говорить, объяснять’), видов сообщений и их элементов (рус. *вопрос* – кит. 问题 ‘вопрос’). Они используются в повседневной жизни и обозначают речевую деятельность в самом общем виде. Степень употребительности универсального наименования речевой деятельности – глагола говорения соответствует его роли в коммуникации и обыденным представлениям о ней носителей обоих языков. Высокочастотными являются также наиболее общие обозначения такого речевого акта, как вопрос, при этом словари фиксируют существительные (вопрос как результат коммуникации). Можно предположить, что в ситуациях метаязыковой рефлексии речевой акт вопроса чаще, чем другие виды речевых актов, оказывается в фокусе внимания: акцент в паре «говорящий – слушающий» смещается на фигуру говорящего.

К одинаково среднечастотным русским и китайским словам относятся названия актов и процессов коммуникации (рус. *отвечать* – кит. 回答 ‘отвечать, ответ’; рус. *просить* – кит. 请 ‘просить’; рус. *требовать* – кит. 要求 ‘требовать, требование’), видов сообщений и их элементов (рус. *письмо* – кит. 信 ‘письмо’). Состав среднечастотных слов, обозначающих коммуникативные процессы, показывает, что важными для говорящих являются наименования ответов, просьб и требований. Как и высокочастотные слова, они указывают на самые общие характеристики речевых действий без конкретизации их иллокутивной силы. Высокая употребительность обозначений просьбы и требования демонстрируют особое внимание носителей обоих языков к говорящему. При этом словари фиксируют названия директивных речевых актов, которые различаются интенсивностью совершения речевого действия и статусом коммуникантов, что говорит о схожести представлений о коммуникативных практиках и социальных нормах общения в русской и китайской лингвокультурах. В речевом акте ответа акцент смещен на фигуру слушающего, которая реже попадает в фокус метаязыковой рефлексии, чем фигура говорящего. В группе лексем, обозначающих сообщения, совпадают наименования письма, которые выступают наиболее общими, а значит, наиболее важными для говорящих понятиями письменной коммуникации. Общее обозначение устной коммуникации как разговора отмечено только в словаре русского языка, а в словаре китайского языка его нет, вероятно, в силу уже упомянутой грамматической многозначности китайских лексем (в словаре присутствует слово 谈 ‘беседовать, разговаривать’, но значение ‘разговор’ не является первым)⁸.

К одинаково низкочастотным русским и китайским словам относятся названия актов и процессов коммуникации (рус. *объяснить* – кит. 说明 ‘объяснить, охарактеризовать, пояснить; комментировать; пояснение’; рус. *называться* – кит. 叫做 ‘называться, именоваться, носить имя’; рус. *предлагать* – кит. 表示 ‘предлагать’), видов сообщений и их элементов (рус. *литература* – кит. 文学 ‘литература’; рус. *песня* – 歌 ‘песня’). Низкочастотными, по данным обоих словарей, являются более специализированные обозначения речевых действий, связанные с поиском и присвоением номинаций, разъяснением или предложением чего-либо. Среди названий видов сообщений выделяются общие наименования произведений словесного искусства и песенного жанра.

Совпадающие по частотным характеристикам лексемы в основном не обозначают специфические процессы или факты коммуникации и могут относиться к обоим ее аспектам – устной (кроме названий письма и литературы) и письменной (кроме глаголов говорения) речи. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о степени важности для русских и китайских говорящих одних и тех же явлений коммуникативного процесса, которые обнаруживаются в ходе мониторинга и контроля речевой деятельности, а также о сходстве обыденных метаязыковых и метакоммуникативных представлений.

Русские и китайские слова, имеющие различную частотность. Лексемы этой группы показывают, какие языковые и коммуникативные явления чаще выделяются носителями русской либо китайской

⁸Словарь современного китайского языка / Ин-т лингвистики Кит. Акад. соц. наук. Пекин : Коммерч. пресса, 2016. С. 1268 (на кит.).

лингвокультуры, и позволяют увидеть отличия в важности тех или иных аспектов речевой деятельности для метаязыковой рефлексии.

К русским лексемам, которые встречаются чаще, чем китайские, относятся названия актов и процессов коммуникации (*сказать, читать*), видов сообщений и их элементов (*книга, статья, газета*), языка и его единиц (*слово, значение, смысл*). В число соответствующих китайских лексем входят названия актов и процессов коммуникации (叫 ‘кричать, вскрикивать, восклицать (о человеке)’, 问 ‘спрашивать, расспрашивать’, 喊 ‘громко кричать, выкрикивать’, 唱 ‘петь, вести мелодию (голос)’).

Отметим, что среди русских обозначений процессов коммуникации, имеющих более высокую частотность, встречаются названия результата говорения и процесса чтения, среди китайских – названия вопроса (с акцентом на многократности), устной коммуникации (с акцентом на повышении громкости или тона голоса). В фокус внимания попадает и особый вид речевой деятельности – пение. Лексемы, обозначающие виды сообщений, называют только жанры письменной коммуникации, при этом русские слова более частотны, чем китайские. Среди лексем, называющих языковые единицы, зафиксированы только наименования номинативной единицы языка, что соответствует представлениям о слове как о центральной единице языка в наивной лингвистике, при этом рус. *слово* употребляется чаще, чем кит. 字 «цзы» ‘элементарная односложная единица китайского письменного и устного языка, иероглиф’. Обозначения плана содержания языка в русской речи также встречаются чаще, чем в китайской.

Русские и китайские слова, которые присутствуют в первой тысяче слов одного словаря, но отсутствуют в первой тысяче слов другого словаря. Лексемы этой группы указывают на те явления языка или коммуникации, которые в процессе мониторинга и контроля речевой деятельности находятся в фокусе внимания говорящих на одном языке, но как бы не замечаются говорящими на другом языке.

К русским лексемам, присутствующим в первой тысяче слов частотного словаря, относятся названия актов и процессов коммуникации (*спросить, ответить, рассказывать, рассказать, называть, назвать, заявить, молчать, согласиться, сообщить, попросить, выступить, звать*), видов сообщений и их элементов (*разговор, ответ, информация, совет, договор, требование, роман, стихи, текст, рассказ*), языка и его единиц (*голос, язык, речь, название*), адресанта и адресата (*слушатель*). В число соответствующих китайских лексем входят названия актов и процессов коммуникации (反对 ‘противостоять’, 谈 ‘беседовать, разговаривать’, 批评 ‘критиковать, давать отзыв’, 论 ‘обсуждать, рассматривать, судить о чем-л.’, 答应 ‘отзываться, откликаться’, 指出 ‘отметить, указать, обозначить’), видов сообщений и их элементов (消息 ‘новость, известие, сообщение, информация, весть’), языка и его единиц (话 ‘слова, выражения, высказывание, фраза’, 句 ‘предложение’).

Отметим, что среди русских обозначений процессов коммуникации присутствуют названия процессов молчания, передачи информации и публичной коммуникации, речевого акта согласия, среди китайских – наименования, относящиеся к ситуациям дискуссии, критики и выражения противоположных мнений. Русские лексемы, обозначающие виды сообщений, в основном относятся к литературным жанрам или жанрам письменной речи, речевым актам совета и договора. Частотность китайских лексем этой группы демонстрирует важность для носителей языка новизны сообщения.

Употребительность названий языка и его единиц свидетельствует о том, что русскоязычные говорящие выделяют номинативный аспект речевой деятельности, а также способ устного общения, китайские – коммуникативную единицу языка, а именно предложение. Лексемы, обозначающие язык и речь, присутствуют в первой тысяче слов частотного словаря русского языка, но отсутствуют в первой тысяче слов частотного словаря китайского языка. В исследованиях, посвященных изучению речевой деятельности в контексте языковой картины мира, эти слова признаются важнейшими, поскольку они выступают самыми общими и, соответственно, наиболее универсальными отражениями языкового кода и процесса коммуникации: «Лексемы – репрезентанты этих концептов... являются высокочастотными словами общего употребления с основными метаязыковыми значениями» [13, с. 79]. Данные номинации входят в «метаязыковое ядро естественного языка – метаязыковые имена и соответствующие им понятия естественного языка, такие как *язык и речь, слово и слова, значение и смысл* и т. д.» [14, с. 336].

Фигура адресата-слушателя выделяется только в русском языке, что может быть вызвано большим вниманием к нему в коммуникативных процессах этой лингвокультуры. Отсутствие обозначений адресанта, по нашему мнению, компенсируется разнообразным составом глаголов речи, отражающих актуальные интенции говорящих.

Заключение

Исследование частотности метаязыковых лексем, извлеченных из первой тысячи слов частотных словарей русского и китайского языков, выявило ряд сходств. Доля метаязыковой лексики примерно одинакова, что говорит о незначительной роли метаязыковой рефлексии в речевой деятельности говорящих.

Удельный вес метаязыковых лексем разных семантических групп практически равен, что свидетельствует о внимании к обозначениям коммуникативных действий, устных или письменных текстов и единиц языка со стороны носителей языка. Сходные закономерности наблюдаются в отсутствии фокуса на фигурах говорящего и слушающего, разном внимании к процессам и фактам устной или письменной речи, выделении наиболее общих, универсальных речевых действий или расставлении акцентов на обозначении более частных, специфических иллокутивных сил. Сопоставление совпадающих и различающихся по показателям частотности лексем, а также лексем, приведенных в одном словаре и отсутствующих в другом, позволяет сделать вывод о важности тех или иных языковых и коммуникативных явлений для обыденной метаязыковой рефлексии. Перспективно установление лингвокультурологической специфики наивных знаний о языке и речи, которые зафиксированы в семантических характеристиках лексем, присутствующих в первой тысяче слов обоих частотных словарей.

Библиографические ссылки

1. Якобсон РО. *Структурализм: «за» и «против»*. Басин ЕЯ, Поляков МЯ, редакторы. Москва: Прогресс; 1975. Лингвистика и поэтика; с. 193–230.
2. Арутюнова НД. Введение. Наивные размышления о наивной картине мира. В: Арутюнова НД, редактор. *Язык о языке*. Москва: Языки русской культуры; 2000. с. 7–19.
3. Шатуновский ИБ. *Семантика предложения и нереферентные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика*. Москва: Языки русской культуры; 1996. 400 с.
4. Шумарина МР. *Язык в зеркале художественного текста (метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы)*. Москва: Флинта; 2011. 325 с. Совместно с издательством «Наука».
5. Вепрева ИТ. *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Москва: ОЛМА-пресс; 2005. 384 с.
6. Кашкин ВБ. Бытовая философия языка и языковые контрасты. В: Кашкин ВБ, редактор. *Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 3, Аспекты метакоммуникативной деятельности*. Воронеж: Воронежский государственный технический университет; 2002. с. 4–34.
7. Гутовская МС. *Лексико-фразеологическая структура поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках*. Минск: БГУ; 2019. 399 с.
8. Гутовская МС. Метаязык: слова и обороты, с помощью которых люди говорят и пишут о языке и речи. *Русский язык и литература*. 2004;7:48–52.
9. 陆俭明. 现代汉语语法研究教程. 北京: 北京大学出版社; 2003. 344 页 = Лу Цзяньмин. *Курс исследований современной китайской грамматики*. Пекин: Издательство Пекинского университета; 2003. 344 с.
10. 黄伯荣, 廖旭东. 现代汉语. 下册. 北京: 高等教育出版社; 1991. 337 页 = Хуан Боронг, Ляо Сюдун. *Современный китайский язык. Том 2*. Пекин: Издательство высшего образования; 1991. 337 с.
11. Мечковская НБ, Гурина НМ. Языковые средства презентации речи и смежные функциональные категории. *Вестник БДУ. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика*. 1992;2:60–63.
12. Гао Ваньжоу. Метаязыковые лексемы в частотных словарях русского и китайского языков. У: Навумава ГУ, редактор. *Мова і література. Матэрыялы 80-й навуковай канферэнцыі студэнтаў і аспірантаў філалагічнага факультэта БДУ; 27 красавіка 2023 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; 2023. с. 28–31.
13. Гутовская МС. Лексико-фразеологическое поле 'речь, говорение' в русском и английском языках. *Вестник БДУ. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика*. 2009;2:79–84.
14. Шатуновский ИБ. Язык сквозь призму языка. *Russian Linguistics*. 2001;25(3):335–354. EDN: ASQFCX.

References

1. Jakobson RO. *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: pros and cons]. Basin EYa, Polyakov MYa, editors. Moscow: Progress; 1975. [Linguistics and poetics]; p. 193–230. Russian.
2. Arutyunova ND. [Introduction. Naive reflections on the naive picture of the world]. In: Arutyunova ND, editor. *Yazyk o yazyke* [Language about language]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2000. p. 7–19. Russian.
3. Shatunovskii IB. *Semantika predlozheniya i nerefrentnye slova: znachenie, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika* [Semantics of the sentence and non-referent words: meaning, communicative perspective, pragmatics]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury»; 1996. 400 p. Russian.
4. Shumarina MR. *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta (metayazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoi prozy)* [Language in the mirror of the art text (meta-linguistic reflection in works of Russian prose)]. Moscow: Flinta; 2011. 325 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
5. Vepreva IT. *Yazykovaya refleksiya v postsovetскую epokhu* [Linguistic reflexion in the post-Soviet era]. Moscow: OLMA-press; 2005. 384 p. Russian.
6. Kashkin VB. [Domestic philosophy of language and linguistic contrasts]. In: Kashkin VB, editor. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. Vypusk 3, Aspekty metakommunikativnoi deyatel'nosti* [Theoretical and applied linguistics. Issue 3, Aspects of meta-communicative activity]. Voronezh: Voronezh State Technical University; 2002. p. 4–34. Russian.
7. Gutovskaya MS. *Leksiko-frazeologicheskaya struktura polya metayazykovykh oboznachenii v russkom i angliiskom yazykakh* [Lexico-phraseological structure of the field of meta-language designations in Russian and English]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 399 p. Russian.
8. Gutovskaya MS. [Meta-language: words and turns with the help of which people speak and write about language and speech]. *Russkii yazyk i literatura*. 2004;7:48–52. Russian.

9. Lu Jianming. *Xiandai hanyu yufa yanjiu jiaocheng* [Modern Chinese grammar research tutorial]. Beijing: Beijing University Press; 2003. 344 p. Chinese.
10. Huang Bo Rong, Liao Xu Dong. *Xiandai hanyu. Xia ce* [Modern Chinese language. Volume 2]. Beijing: Higher Education Press; 1991. 337 p. Chinese.
11. Mechkovskaya NB, Gurina NM. [Language means of speech presentation and related functional categories]. *Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 1992;2:60–63. Russian.
12. Gao Wanrou. [Meta-language lexemes in frequency dictionaries of Russian and Chinese languages]. In: Navumava GU, editor. *Mova i litaratura. Matjeryjaly 80-j navukovaj kanferjencyi studjentaŭ i aspirantaŭ filalogičnaga fakul'tjeta BDU; 27 krasavika 2023 g.; Minsk, Belarus'* [Language and literature. Proceedings of the 80th scientific conference of students and postgraduates students of the faculty of philology of BSU; 2023 April 27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2023. p. 28–31. Russian.
13. Gutovskaya MS. The lexico-phraseological field 'speech, speaking' in the Russian and English languages. *Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2009;2:79–84. Russian.
14. Shatunovskii IB. Language through the prism of language. *Russian Linguistics*. 2001;25(3):335–354. Russian. EDN: ASQFCX.

Статья поступила в редколлегию 02.04.2024.
Received by editorial board 02.04.2024.